
СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316

DOI 10.18522/2227-8656.2021.1.1

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СОЦИЕТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЮЖНОРОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ*

SOCIAL JUSTICE AS A SOCIETAL VALUE IN THE CONTEXT OF HARMONIZATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE SOUTH-RUSSIAN REGION

Волков Юрий Григорьевич
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
научный руководитель
Института социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Yury G. Volkov
Honored Scientist of Russia,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Scientific Supervisor,
Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Целью исследования является анализ социальной справедливости как базовой социальной ценности в сфере межэтнических отношений в южнороссийском регионе. Осно-

The aim of the study is to analyze social justice as a basic societal value in the field of interethnic relations in the South Russian region. Based on the initial position about

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (соглашение № 075-02-2020-2172 от 25.08.2020, внутренний номер ДГП0708/20-01РГ).

вываясь на исходном положении о социальной справедливости как идеальной ценности, наиболее привлекательной и предпочитаемой в социальных отношениях в российском обществе, автор статьи на основе результатов экспертного анализа в региональном пространстве определяет специфику социальной справедливости в гибридности идеала социальной справедливости и ее актуализированных этнообразов, что приводит к выводу о переходе от социальной справедливости как паритета в распределении социальных благ и ресурсов в межэтнических отношениях к формуле социальной справедливости как ценности, идеала, гармонии в сфере межэтнических отношений в южнороссийском регионе. «Особенное» проявляется в установке этнических групп в южнороссийском регионе на социальную справедливость как равенство в доступе к социальным ресурсам на основе признания претензий, характеризующих исторически сложившийся статус в сфере межэтнических отношений.

Ключевые слова: социальная справедливость; этнообразы социальной справедливости; сфера межэтнических отношений; южнороссийский регион; этнокультурное многообразие.

social justice as an ideal value, the most attractive and preferred in social relations in Russian society, the author of the article, based on the results of expert analysis in the regional space, determines the specificity of social justice in the hybridity of the ideal of social justice and its actualized ethno-images, which leads to the conclusion about the transition from social justice as parity in the distribution of social benefits and resources in interethnic relations to the formula of social justice as a value, ideal, harmony in the field of interethnic relations in the southern Russian region. "Special" is manifested in the attitude of ethnic groups in the South Russian region to social justice, as equality in access to social resources based on the recognition of claims that characterize the historically established status in the field of interethnic relations.

Keywords: social justice; ethno-images of social justice; sphere of interethnic relations; South-Russian region; ethno-cultural diversity.

Актуальность

Социальная справедливость является базовой ценностью большинства россиян, так как актуальные социальные неравенства, содержащие высокий потенциал социальной конфликтности, формируют устойчивый запрос общества на справедливый общественный порядок. Учитывая, что российское общество полиэтнично и поликонфессионально, в той или иной степени на отношения россиян к социальной справедливости как базовой ценности влияют факторы культурно-исторического опыта, межэтнического взаимодействия, ориентированности на социальную справедливость как принцип организации общественной жизни.

Государственная национальная политика, направленная на нациестроительство и формирование российского многонационального народа как субъекта российской государственности, скрыто или открыто испытывает воздействие социальных неравенств как отклонений от ценности социальной справедливости. На основании понимания социальной справедливости как равенства возможностей, как идеала социально устроен-

ной и социально перспективной жизни большинство россиян, исходя из опыта совместного проживания различных этнических групп в социокультурном пространстве России, рассматривают этничность как свойство межэтнических отношений не в качестве сложившихся этнокультурных характеристик, а следующим образом: можно предположить, что в межэтнических отношениях доминантой является равенство возможностей, не зависящее от позитивного аспекта этнонационального статуса, а также от негативного дискурса дискриминации по этническому и этнокультурному признакам.

Разрыв с традиционностью, этнокультурным генезисом, основанными на коренных ценностях, определяет вектор развития межэтнических отношений на основе социетальных ценностей. Состояние межэтнических отношений в южнороссийском регионе демонстрирует разнонаправленные тенденции: с одной стороны, стабильность и готовность к межэтническому миру и согласию, а с другой – актуализируется неудовлетворенность запросов на социальную справедливость, на принимающие системный характер проявления этноклановости, этнодискриминации, этноэкслюзии, что ощущается в социальных настроениях населения. Южнороссийский регион этнически неоднороден в умеренной степени, так как русские составляют большинство населения, но необходимо учитывать, что в региональном пространстве исторически проживают этнические группы со сложившимися формами культурно-хозяйственной деятельности, системой правил социальной повседневности, образами социальной справедливости, конструируемыми на основе этнической мифологии, этнических стереотипов.

Таким образом, существует актуальная, значимая с теоретико-методологической и эмпирико-идентификационной позиций проблема соотношения социальной справедливости как базовой ценности российского общества с ее этнокультурной и этнонациональной спецификой с тем, что в сфере межэтнического взаимодействия социальная справедливость проецируется на равенство/неравенство этнокультурных групп в различных сферах социальной жизнедеятельности, с тем, что реальные или воображаемые противоречия по поводу коридора возможностей по этническому статусу порождают системный эффект межэтнической напряженности. И нельзя не отметить, что слабая разработанность проблемы социальной справедливости как социетальной ценности в сфере межэтнических отношений имеет последствием некую периферийность в общественно-политическом дискурсе региона и перевод актуальной социальной проблематики на язык этнокультурных различий, на реали-

защиту массовых акций по профилактике межэтнических конфликтов паллиативными мерами.

Не отрицая политики стимулирования консолидационного потенциала в межэтнических отношениях южнороссийского региона в духовно-культурной и культурно-информационной сферах, признаем фактор социальной справедливости, существенным образом влияющий на ограничение воздействия «языка вражды и агрессии» в межэтнических отношениях.

Методология

Доминантой межэтнических отношений в южнороссийском регионе, на наш взгляд, является фокусирование межэтнических разногласий, в равной степени как и нацеленность на межэтническое сотрудничество и согласие, на вопросах, актуально относящихся к сфере социальной справедливости. В связи с этим следует отметить, что ценность социальной справедливости разделяется большинством населения региона. Однако проявляется специфика ее понимания в культурно-историческом, социально-бытовом, социально-политическом контекстах.

Сложившаяся таким образом «конфигурация обстоятельств» требует определения ключевых параметров социальной справедливости как социальной ценности в переводе на уровень совместного проживания и совместного взаимодействия в сфере межэтнических отношений. Следует подчеркнуть, что сложившаяся исследовательская традиция исходит из разделения социальной справедливости и гармонии межэтнических отношений. В пользу такого суждения свидетельствует тот факт, что ведущие российские исследователи в сфере социальной справедливости (О.И. Шкаратац, З.Т. Голенкова, Н.Е. Тихонова) ориентируются на анализ социальной справедливости как функционала социальных отношений в российском обществе. Подтверждая обоснованность суждений о социальной поляризованности, социальных диспропорциях, имеющих последствием параллелизм социальных миров, в то же время нельзя не отметить, что влияние социальной справедливости не определяется изучением ее места в межэтнических отношениях, что, по существу, межэтнические отношения характеризуются по этнонациональным и этнокультурным параметрам, что актуальный исследовательский интерес в настоящий период переместился в сферу анализа баланса национально-государственной и этнической идентичностей.

Однако, как показывают результаты масштабных общероссийских исследований, действующие теоретико-методологические подходы в изучении идентичности фиксируют необходимость категоризации соци-

альной справедливости как феномена этнического самосознания, и не менее важно, подчеркивает Л.М. Дробижева, рассматривать социальную взаимообусловленность этнокультурных различий (Гражданская, этническая и региональная идентичность ... , 2013. С. 23). В рамках реализованного исследования по изучению идентичностей в российском обществе делается вывод о необходимости поиска адекватного методологического конструкта, совмещающего аксиологическую парадигматику, социофакторный анализ и этноконструктивистские позиции.

Нарастающее этнокультурное многообразие в южнороссийском регионе ставит вопрос не только о восприятии культурных различий и формировании толерантности различий (Гражданская, этническая и региональная идентичность ..., 2013. С. 24), но и об исследовании социальной справедливости через выявление социальных, этнических механизмов ее восприятия. Это означает, что поддержание и сохранение межэтнического мира и согласия в региональном пространстве определяются признанием социального равенства как субъективной составляющей межэтнических отношений.

Действующие этнические границы устанавливаются системой внутренних этнокультурных правил, но на них влияют и социальное самосознание, и социальная самооценка, исходящие из восприятия социальной справедливости. Этот момент отмечается в работах М.К. Горшкова, где исследуемые феномены социальной бедности, социальных неравенств, социальных противоречий в российском обществе организованы по принципу социальной субъектности, согласно которому этнические группы являются социальными субъектами, актуализирующими этническую идентичность и этнические границы в определенном социальном контексте. Данное замечание сделано с целью наметить границы структурно-функционального подхода, который, как отмечает Н.Е. Тихонова, вполне обоснованно применяется при анализе позиций социальной динамики, системы социальных действий (Тихонова, 2014. С. 30), но в то же время является недостаточным для исследования межэтнических отношений как взаимодействия этнических групп в статусе социальных субъектов. Иными словами, можно говорить о смещении внимания от социоструктурных границ к позиционированию этнических групп в сфере социальной справедливости.

Наиболее важной для анализа сложившейся ситуации в южнороссийском регионе целесообразно считать установку на социальную справедливость в сфере межэтнических отношений. Здесь следует учитывать, что специфику исследованию придают культурно-исторический контекст, фактор исторической памяти, неоднозначный опыт этнонаци-

онального ренессанса, интенсификация потоков внутренней и внешней миграции.

Не утверждая однозначно, что направленность социальной справедливости задается этнокультурными характеристиками, следует зафиксировать зависимость состояния межэтнических отношений от ориентации на ценность социальной справедливости. При этом, как признают и российские конструктивисты (школа В.А. Тишкова), деобъективация этнических отношений не содержит предписанности социальной справедливости. Ценность социальной справедливости в межэтнических отношениях является социально конструируемым явлением, содержащим архетипические основания. Другими словами, восприятие социальной справедливости актуализирует этнокультурные механизмы в контексте действующих социальных неравенств.

Ценность социальной справедливости в межэтнических отношениях становится критерием их актуального состояния в зависимости от того, как этнические группы определяют собственный статус и собственные позиции по отношению к распределению социальных благ, доступу к социальным ресурсам, признанию социального равенства как равенства возможностей. В зависимости от этого межэтнические отношения в южнороссийском регионе испытывают периоды роста, спада или стабилизации. Между тем ощущается недостаточность исследований, определяемых субъектно-деятельностным концептом социальной справедливости.

Очевидно, что социальная справедливость, имея консенсусные основания в межэтнических отношениях, является своеобразным договором в рамках актуальной активности этнических групп. Можно предположить, что если этническая группа, апеллируя к прошлому, рассматривает социальную справедливость в качестве формы этнической дифференциации, то для изучения актуализируемой темы важно признать, что степень достоверности описываемой темы определяется логикой анализа конвенциональности социальной справедливости, ее признания/непризнания в сфере межэтнических отношений.

Перспективным направлением можно считать перевод проблемы социальной справедливости в межэтнических отношениях по утверждению о спонтанном характере социальных неравенств как отклонений от социальной справедливости (Расизм. Ксенофобия. Дискриминация ... , 2013. С. 158) к ответу на вопрос: каким образом социальные факторы (структурные, функциональные, ресурсные) формируют совместно с внутренними этнокультурными механизмами оценку и способность социальной справедливости определять настоящее и будущее межэтнических отношений в южнороссийском регионе. Принимая в качестве ис-

ходного определение социальной справедливости в межэтнических отношениях как ценности согласия и мира, мы принимаем принцип субъектности в качестве ведущего методологического ориентира.

Результаты исследования

Определяя принцип субъектности в реализации заявленной цели исследования, необходимо подчеркнуть, что социальная справедливость в этнорегиональном измерении претендует на универсальность парадигмой социологических оснований (Волков, 2017. С. 51). Это означает, что концептуализация социальной справедливости требует выявления специфики в проекции на сферу межэтнических отношений. Здесь также важно подчеркнуть, что исследователь имеет выбор: или двигаться от частного к общему, т. е. от образов социальной справедливости в межэтническом дискурсе, или делать исследовательский акцент на фундаментальности социальной справедливости как исходной для изучения и понимания ее влияния на характер и состояние межэтнических отношений в южнороссийском регионе.

Для нас важным является признание полиэтничности региона как мозаики этнополитических, этносоциальных и этнокультурных взаимодействий. Здесь также следует учитывать, что южнороссийский регион является российским пограничьем, испытывающим воздействие не только внутренних, но и внешних факторов, которые, в зависимости от ситуации, могут придавать специфике социальной справедливости так называемые заимствующие смыслы. Имеется в виду, что в условиях дезинтеграции предшествующей системы общественных отношений с формулой «советский народ» процессы этнополитического и этнокультурного ренессанса обретали ориентированность на чужие референтные образцы: так, для армянской диаспоры значимым являлся опыт армянского зарубежья, формы самоорганизации и саморегулирования, этнического лоббизма в странах с консолидированным массивом лиц армянского происхождения.

Менее заметно, что имеющим последствия в сфере межэтнических отношений южнороссийского региона можно считать период этнонационального и этнокультурного возрождения в Адыгее, где на основе реконструкции этнокультуры презентовались возможности обращения к опыту адыгской диаспоры. Следует подчеркнуть, что отмеченное обстоятельство не являлось доминантой развития межэтнических отношений, но было бы односторонне исследовать социальную справедливость как социетальную ценность в сфере межэтнических отношений в южнороссийском регионе, ограничиваясь общероссийскими процессами.

Таким образом, в нынешних условиях обращение к ценности социальной справедливости имеет неоднозначным последствием идею этновозрождения, с одной стороны, с другой – содержит потенциал межэтнического мира и согласия. Несомненно, проблема социальной справедливости, являясь одним из самых значимых вызовов для современного российского общества, определяет социальное самочувствие граждан России, принадлежащих к различным этнокультурным группам и слоям. При этом осознание социальной справедливости носит неререфлексивный характер на уровне социальной повседневности и вводится в общественный дискурс как маркер межэтнических отношений в контексте социальной рефлексии, относящейся к сфере социологической экспертизы (Волков, 2015. С. 168).

Конкретизируя данное положение, целесообразно отметить, во-первых, выработку конвенциональности в рамках интерпретации социальной справедливости в сфере межэтнических отношений в южнороссийском региональном пространстве, а во-вторых, исходить из того, что социальная справедливость как социетальная ценность в сфере межэтнических отношений становится позицией этностатусности, осознанием социальных различий, которые, как отмечалось выше, могут переводиться на язык этнокультурных, утверждая принцип толерантности, имеющий явно политический месседж, но к социальной справедливости относящийся опосредованно, если допустить, что толерантность как терпимость к этническим и этнокультурным различиям создает условия для консоциативного устройства, при котором этнические группы находятся в состоянии баланса и равновесия социальных и политических интересов (Уолцер, 2000. С. 76).

Ценность социальной справедливости является, как выявила дискуссия 1990-х гг. по социокультурной проблематике, социокультурным кодом формирования больших социальных групп. И с опорой на эту установку следует полагать, что сфера межэтнических отношений является полем основных социальных и жизненных смыслов, где социальная справедливость оказывает регулирующее воздействие и поддерживает модели поведения, характерные для этнокультурных групп. Реально социальная справедливость является терминальной ценностью – абстрактно выраженным представлением о том, что наиболее желательно для общества, и инструментальным, наиболее привлекательным и предпочтительным в сфере межэтнических отношений (Базовые ценности россиян ... , 2003. С. 19). Поэтому, характеризуя результаты проведенных социологических исследований, для достоверности обобщений необходимо принимать во внимание абстрактность социальной справедливости

как алгоритма социальных отношений и специфику ее проявления на уровне межэтнических отношений, взаимодействия накопленных в культурно-историческом и социально-бытовом контекстах этнокультурных матриц социальной справедливости, имеющих не просто оттенки социальной экспрессии, но содержащих субъектность восприятия как следствия актуализации архетипических, инвариантных этнокультурных смыслов в контексте социальных ожиданий и претензий относительно социальных позиций этнокультурных групп.

Результаты исследований свидетельствуют об обоснованном выборе методологии, определяемой показателями этнокультурной неоднородности и одновременно межэтнической консолидации в региональном пространстве. Фиксируя целесообразность реализации двух уровней исследования: факторы, формирующие ощущение социальной справедливости/несправедливости у представителей различных этнических групп, и влияние представления о социальной справедливости на характер межэтнических отношений в контексте формирования общегражданской идентичности, можно говорить о так называемой перекрестности результатов, возможности соотнесения рефлексированного и неотрефлексированного понимания социальной справедливости в межэтнических отношениях южнороссийского региона.

Представленный состав экспертов отражал спектр общественных и властных институтов, функционирующих в сфере межэтнических отношений, определяющих ценностный набор социальной справедливости как социетальной ценности. Такой подход уместен и оправдывает себя, поскольку, во-первых, определяется информированностью экспертов о социально-экономической и социально-политической ситуации, влияющей на состояние межэтнических отношений в контексте формирования массовых представлений о социальной справедливости; во-вторых, значимым становится принятие принципа субъектности, влияющего на восприятие социальной справедливости/несправедливости. Сложность реализуемых исследовательских процедур обнаруживается в том, что, констатируя неравенство или кризисность социально-экономических условий жизни, можно впасть в заблуждение относительно безальтернативности экономического роста и определять значимость социальной справедливости в основном как исправление социально-экономической ситуации.

Между тем результаты проведенных социологических исследований определяются принципом субъектности и связаны с доминантой представлений о социальной справедливости различных этнических групп в региональном пространстве. Это не означает умаления влияния

объективных факторов, но привносит логику социальной повседневности, которая придает социальной справедливости характер инструментальной ценности. Иначе получается, что не существует противоречий в межэтнических отношениях относительно абстрактной социальной справедливости, и это нашло отражение в неоднозначных результатах внедрения либерального дискурса социальной справедливости в 1990-е гг., когда наблюдалась политика суверенизации, якобы обеспечивающая равенство в доступе к социальным ресурсам на основе этнического и этнокультурного развития.

Однако реалии восприятия справедливости сложившегося межэтнического паритета (баланса) в настоящий период характеризуют устойчивость представлений о привлекательности и предпочтительности образов социальной справедливости, сложившихся в контексте габитуса, коллективного опыта этнокультурных групп. Эта специфика социальной справедливости достаточно полно проявляется в Карачаево-Черкесии и Калмыкии, где исходным моментом является принятие меритократического принципа социальной справедливости в контексте преодоления исторических обид прошлого и этнического реванша, предоставления этнической группе портфеля возможностей коллективного развития.

Здесь, вероятно, следует учитывать то, что сложившаяся в российском обществе практика признания этнокультурных групп этносом имеет последствием восприятие социальной справедливости в зависимости от этнической иерархии, титульного или нетитульного статуса этнокультурной группы. И очевидно, что если в Карачаево-Черкесии восприятие социальной справедливости определяется соотношением между «титульным» карачаевским этносом и «неглавными» народами, то для экспертов Калмыкии остропроблемным является восстановление социальной справедливости по отношению к калмыцкому народу, не преодолевшему до сих пор синдром исторической несправедливости. На этом фоне кризисная социально-экономическая ситуация стимулирует ощущение социальной несправедливости и является актуализирующей этнополитическую напряженность.

По сравнению с Карачаево-Черкесией до сих пор не пройден этап этномобилизующей активности, поиска этнического лидера, восприятия социальной справедливости как цели возрождения калмыцкого народа. Иными словами, если использовать процедуру сравнения, то просматриваются различия в понимании социальной справедливости как абстрактной ценности Калмыкии, где интеллектуальная элита ориентирована на этноренессанс, и инструментальности в восприятии социальной справедливости в Карачаево-Черкесии, где, согласно позиции большинства

экспертов, актуальным является достижение равенства и консенсуса этнических групп в контексте деэтнизации социально-статусных позиций.

Краснодарский край, судя по высказываниям экспертов, можно охарактеризовать как гибридный с позиции выявления параметров межэтнических отношений в контексте ценности социальной справедливости. Во-первых, доминирует совмещение фундаментального и инструментального (этнического) измерений социальной справедливости в межэтнических отношениях, что объясняется влиянием социоструктурных различий (средняя степень урбанизации, вовлеченность в социоструктурные отношения в малой или нулевой зависимости от этнического статуса, паритет этнокультурных претензий в социальном взаимодействии, формирование этнообразов социальной справедливости в контексте актуализации механизмов исторической памяти).

Во-вторых, отмечается негативное восприятие последствий этнонациональной суверенизации и этновозрождения, что выражается в одобрении действий федеральной власти по интегрированию политико-правового и социокультурного пространства в общероссийский контекст. В-третьих, выявлена позиция неприемлемости умножения этнических претензий, особенно по отношению к внутренним и внешним мигрантам. Наиболее характерным является турко-мехетинский вопрос, актуализированный в 1990-е гг., но не получивший удовлетворительной оценки и разрешения в связи с тем, что представители турко-мехетинской общины заняли позицию нарастания этнических претензий, в то время как воспроизводился вопрос о неудовлетворении исторических чаяний казачества и адыгейцев.

Этническая активность турко-мехетинской общины вызывала возражение и противодействие. Подчеркивалось то, что корень решения проблемы находится вне России и связан с предшествующей историей депортации и исхода турков-мехетинцев из Грузии и Узбекистана. Это обстоятельство не было введено в общественно-политический дискурс, но латентно выражалось в том, что Советский Союз в последний период своего существования, взяв обязательства по размещению и социальному благоустройству турков-мехетинцев, не смог их выполнить. Для России же эта проблема является «наносной», исходя из факта пребывания общины на территории России.

Непосредственно затрагивающим социальную справедливость аспектом межэтнических отношений можно считать так называемый земельный вопрос, который, определяя высокую социальную ресурсность Краснодарского края, вместе с природно-климатическими условиями и логистикой является привлекательным для внутренней и внешней ми-

грации. Здесь также следует учитывать, что регион, и это отмечается экспертами, вовлечен в процесс интенсификации миграционных потоков, что выявляет специфичность социальной справедливости как ценности по сравнению с вышеуказанными Калмыкией и Карачаево-Черкесией. Фундаментальная ценность социальной справедливости является в общественном мнении основным механизмом социального регулирования межэтнических отношений. Другими словами, этнообразы социальной справедливости актуальны в той степени, в какой социальная справедливость связана с возможностями социальной самореализации и социальной самоудовлетворенности не на этногрупповом, а на личностном уровне.

Подтверждением данного суждения можно считать состояние межэтнических отношений в Адыгее, где, с одной стороны, закрепились результаты этновозрождения в форме повышения статуса республики в составе России, где прошла пик политика «коренизации» кадров в системе управления, где завершен процесс консолидации политической и интеллектуальной элит. С другой стороны, становится очевидным, что на первый план выдвигается проблема социальных неравенств как отклонения от фундаментальной ценности социальной справедливости.

Предшествующие исследования, проведенные в рамках анализа национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений, показали, что для массовых настроений свойственно перемещение акцента беспокойства и надежд на сферу социальной справедливости (11,3 %) (Имплементация зарубежных моделей ... , 2017. С. 127). Актуальные экспертные исследования свидетельствуют о том, что социальная справедливость как фундаментальная ценность в сфере межэтнических отношений не утратила влияния, вернее, не стала менее проблематичной. Имеется в виду, что не наблюдаются значимые сдвиги в пользу реализации принципа социальной меритократии, что в социальном пространстве заметно доминирование «групп социальной справедливости», хотя нельзя судить о межэтнической консолидации на социально-ценностном уровне.

Тем не менее Адыгея и Краснодарский край в целом фиксируют переход от этнической составляющей социальной справедливости, от политики исторической памяти как обоснования этнополитических, этнотерриториальных и этнокультурных претензий к достижению социального равенства в рамках общефедеральной и региональной социальной политики. Характерен и тот факт, что в Краснодарском крае наблюдается перевод проблемы социальной справедливости в контексте социально восприимчивых социальных неравенств в сферу социального вза-

имодействия. Таким образом, влияние этничности идет на спад, ее последствия актуализируются в контексте тревог по поводу административной реформы укрупнения регионов и ожидаемого беспокойства как неизбежного следствия лимитации позиций этнократии, о чем писал Ж.Т. Тощенко еще в начале 2000-х гг., исходя из анализа опыта этновозрождения периода «парада суверенитетов» (Тощенко, 2003. С. 41–42).

Между тем есть возможность суммировать некоторые результаты, определяющие тенденцию социальной справедливости в сфере межэтнических отношений южнороссийского региона. Отмечая, что сохраняются наследственные факторы предшествующего периода, связанные с иерархией этностатусных позиций, что делает социально значимой проблему социальной справедливости на основе различения статусных и нестатусных групп, «местных» и «приезжих», вместе с тем есть основания полагать, что возрастает влияние фактора социальной справедливости как основного регулятора межэтнических отношений. В пользу утверждения можно привести аргументы, связанные с анализом экспертных оценок.

Во-первых, социальная справедливость воспринимается как базовая социальная ценность вне зависимости от этнической принадлежности, так как ощущается утрата позиции этнического реванша, ориентированности на удовлетворение и возмещение исторических обид, а ситуация в Калмыкии только подтверждает необходимость реконструкции и модернизации социально-фоновых факторов. В калмыцком сообществе актуальным является вопрос о социальной справедливости как возможности обеспечить нормальную жизнь жителей региона. Если речь заходит об обращении к идее этновозрождения, то это связано как с активностью групп этнопредпринимательства, присваивающих функции представительства калмыцкого этноса, так и с ощущением продолжения политики периферийности Калмыкии, что выражается в недоверии к местным кадрам и обеспечении кадровых вакансий для приезжих в системе государственного управления.

Во-вторых, проступают контуры межэтнического согласия по поводу фундаментальной ценности социальной справедливости по сравнению с инструментальными этноконструируемыми схемами, явно отступающими на второй план в силу актуализации культурно-цивилизационных факторов: опыта совместного проживания народов, общности исторической судьбы, ценности Российского государства как гарантии порядка и безопасности в противоречивом, содержащем риски политической и социальной неопределенности мире.

В-третьих, необходимо отметить, что в сфере межэтнических отношений в южнороссийском регионе проявляется то, что можно охарактеризовать как парадоксальность межэтнических отношений: противоречия между накопленным опытом совместного проживания и межэтнического согласия и субъектностью воззрений и оценок проблемы социальной справедливости как регулятора межэтнического взаимодействия. Свидетельством тому является доминирующей настрой населения независимо от этнического статуса на консолидированную позицию в отношении социальной справедливости как социально значимой проблемы, как императивности социального равенства. Но вместе с тем, как показывают позиции представителей экспертного сообщества, существует ситуация корректировки содержания социальной справедливости межэтнических отношений как выражения этнических претензий. Иными словами, воспроизводится ситуация актуальности особого этнического статуса, определяемого логикой: от перераспределения к признанию. Имеется в виду, что этнические группы основываются, в понимании социальной справедливости, на признании не столько достоинства, сколько особенности того, как они представляют справедливость (Бенхабиб, 2003. С. 28).

Приведенное высказывание американского исследователя С. Бенхабиб относится к исследованию феномена борьбы за признание этнокультурных меньшинств и посвящено последствиям разделения культурной и социальной политики. Но в контексте исследования результатом является суждение относительно разрыва между социальной справедливостью как идеальной абстрактной ценностью, имеющей высокую степень привлекательности и предпочтительности независимо от этнического статуса и субъективного восприятия, и социальной справедливостью в контексте ее сложившихся этнообразов. Подразумевается, что фундаментальная социетальная ценность относится к сфере государственной социальной политики, а этнообразы социальной справедливости, актуализированные в культурных различиях, нуждаются в сбалансированной культурной политике, учитывающей этнокультурное многообразие региона.

Однако, как показали предшествующие исследования национальной политики в России в контексте имплементации зарубежного опыта, фиксация усиления политики социальной справедливости на государственном уровне привела к видению проблемы социальной справедливости как регулятора межэтнических отношений в южнороссийском регионе, как поля расширения межэтнических контактов, нацеленных на общие приоритеты социального развития, на реальное одобрение фор-

мулы равенства и по реальному представительству этнических групп в региональной политике, и по закреплению межэтнического согласия на основе социальной справедливости как базовой социетальной ценности (Национальная политика в России ... , 2016. С. 281).

Также следует подчеркнуть, что результаты экспертного опроса, проведенного в трех субъектах южнороссийского региона, имеют общие черты в неясности дискурса социальной справедливости в том, что актуальны гибридные состояния, включающие наследственное влияние культурных травм, связанных с опытом депортации, этновозрождения, этнических претензий. Вместе с тем проявляется тенденция перевода культурных различий в понимании социальной справедливости на уровень социальной меритократии, адекватного социального вознаграждения за реальный вклад в социальную жизнь региона, учитывающего этнопрофессиональные навыки и качества как следствие группового опыта и совместного проживания.

Заключение

Концептуальное осмысление социальной справедливости как социетальной ценности в контексте регулирования межэтнических отношений в южнороссийском регионе убеждает в обоснованности «особенного и общего» как специфики социальной справедливости в региональном пространстве. Эмпирические исследования, направленные на анализ позиций экспертного сообщества в Карачаево-Черкесии, Краснодарском крае и Калмыкии, демонстрируют своеобразную гибридность социальной справедливости, содержащей наследие этноренессанса, этновозрождения, что связано с магистральным направлением национальной политики – поддержкой этнокультурных различий и пониманием социальной справедливости как базовой ценностной матрицы межэтнических отношений. Разумеется, следует принимать во внимание фоновые (объективные) параметры, связанные с социально-экономической ситуацией, включающей глубоко кризисное состояние социально-экономической сферы Калмыкии, социальную стагнацию в Карачаево-Черкесии и относительно устойчивый социальный рост в Краснодарском крае. Различия этих обстоятельств порождают уровень актуализированности этнообразов социальной справедливости, имея последствием соединением права и справедливости.

Если действующее право можно с уверенностью охарактеризовать как достижение правового равенства этнических групп, то справедливость в контексте вывода экспертных оценок опирается на логику перехода от распределения к признанию, что выражается в ощущении соци-

альной справедливости как установки на социальное равенство, признания на межличностном и межгрупповом уровнях паритета и сбалансированности интересов всех этнических групп, проживающих в южно-российском регионе. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что социальная справедливость утверждается в общественных настроениях как базовая социетальная ценность. Но что является недостающим звеном? «Слабость» социальной справедливости как регулирующего принципа межэтнических отношений, что связано, на наш взгляд, с доминантой социальной несправедливости как отклонения от социальной справедливости, воспроизводящей ориентацию на этнообразы социальной справедливости как способ признания этнических претензий в сфере межэтнических отношений.

Литература

Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.

Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2015. 240 с.

Волков Ю.Г., Лубский А.В. Социология в России: в поисках новых идей и креативности. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2017. 196 с.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробизева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Имплементация зарубежных моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 332 с.

Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. 422 с.

Расизм. Ксенофобия. Дискримина-

References

Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths. (2003). A.V. Ryabov, E. Sh. Kurbangaleeva (Eds.). M.: Dom intellektual'noj knigi. (in Russian).

Benhabib, S. (2003). The claims of culture. Equality and Diversity in the Global Era. V. L. Inozemtsev. (Ed.). M.: Logos. (in Russian).

Volkov, Yu.G. (2015). Social diagnostics and sociological expertise: textbook. M.: KNORUS. (in Russian).

Volkov, Yu.G., Lubsky, A.V. (2017). Sociology in Russia: in search of new ideas and creativity. Rostov-on-Don; Taganrog: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta. (in Russian).

Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow. (2013). Head of the project and ed. L.M. Drobizheva. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. (in Russian).

Implementation of foreign models of national integration, value policy and institutional practices in the sphere of interethnic relations in Russian conditions. (2017). Yu.G. Volkov (Ed.). M.: Social'no-gumanitarnye znaniya. (in Russian).

National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience. (2016). Yu.G. Volkov (Ed.). M.: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2016. (in Russian).

Racism. Xenophobia. Discrimination.

ция. Какими мы их увидели... / отв. ред. Е.Б. Деминцева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 384 с.

Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

Уолцер М. О терпимости / пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.

How we saw them ... (2013). E.B. Demintseva (Ed.). M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).

Tikhonova, N.E. (2014). The social structure of Russia: theories and reality. M.: Novyj hronograf; Institut sociologii RAN. (in Russian).

Toshchenko, Zh.T. (2003). Ethnocracy: History and modernity. Sociological essays. M.: ROSSPEN. (in Russian).

Walzer, M. (2000). About tolerance. Transl. from the Engl. by I. Murnberg. M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi. (in Russian).

Поступила в редакцию

16 декабря 2020 г.